

К вопросу о происхождении усеченных прилагательных в соотношении с историей имени прилагательного

Усеченные прилагательные представляют собой яркий пример грамматического явления, изучению которого препятствует наличие сложившейся традиционной точки зрения на его происхождение и функционирование.

Отметим, что анализ значительного материала позволяет определять усеченные прилагательные как черту русской поэзии, проявляющуюся на всем протяжении ее существования вплоть до нашего времени (на 25 тысяч разножанровых поэтических произведений 400 авторов XVII – начала XXI вв. приходится почти 15 тысяч примеров употребления усеченных форм). Усеченные прилагательные можно определить следующим образом: это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий, местоимений, порядковых числительных, особые формы субстантивов, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах. Проведенное исследование дает основания предположить, что изучение происхождения усеченных прилагательных и их функционирования в языке поэзии плодотворно не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте, а также в соотношении с другими фактами истории русского литературного языка.

По словам Г. О. Винокура, «изучение языка отдаленной эпохи ... удобнее всего вести исходя из сравнения с языком современности. Но при этом необходимо соблюдать два условия: 1) наблюдаемые несовпадения с теперешним языком нельзя без достаточных оснований объяснить капризом, прихотью или неосведомленностью изучаемого писателя, сразу же называть их ошибками против языка или «поэтической вольностью»; 2) нельзя отрывать язык изучаемого писателя от его исторической обстановки, смотреть на него, как на изолированное единичное явление»¹. Тем не менее, в отношении усеченных прилагательных в существующей научной литературе нередко нарушались оба условия.

Наиболее распространенное представление об усеченных прилагательных может быть сведено к следующим утверждениям: 1) это искусственные формы, которые образовывались механическим отсечением («усечением») окончания (или последнего слога, или последней гласной окончания) полных форм; 2) данные формы играли роль технического версификационного

элемента, одной из поэтических вольностей, потребность в которых определялась несовершенством поэзии XVIII в.; 3) с развитием русской поэзии усеченные прилагательные исчезли.

Обычно усеченные прилагательные рассматриваются как искусственные книжные формы, по структуре близкие именным прилагательным, но по своему грамматическому значению и синтаксической функции относящиеся к парадигме полных прилагательных.

Происхождение и соотношение именных и местоименных форм изучаются давно и разносторонне. В литературе прошедших десятилетий было широко отражено представление, согласно которому именные прилагательные возникли в праиндоевропейском языке в процессе расщепления нерасчлененного имени на существительное и прилагательное, а местоименные формы возникли в праславянском языке посредством слияния падежных форм именного прилагательного с соответствующими падежными формами указательного местоимения, которое, как принято было считать, привносило элемент значения определенности подобно определенному артиклю в артиклевых языках. Затем краткие прилагательные потеряли функцию определения, которая стала закрепляться за полными формами, что и обусловило перестройку системы имени прилагательного². Согласно современной точке зрения, гипотеза о существовании в прошлом общей категории имени не представляется убедительной, под сомнение ставится и противопоставление именных и местоименных прилагательных по признаку определенности – неопределенности³. Отсутствует единая точка зрения и на проблему функциональной обусловленности выбора именных и местоименных форм.

Несмотря на то, что взгляды на историю имени прилагательного существенно менялись и многие вопросы, по-видимому, не имеют окончательного решения, несомненно одно: к XVIII в. в русском языке сложилась существующая и сейчас система имени прилагательного, в центре которой находятся местоименные (полные) прилагательные, выполняющие в предложении функции определения и именной части сказуемого, а древние именные прилагательные сохраняются в качестве специфических форм качественных прилагательных, которые не склоняются и выступают только в роли предиката. Также и краткие причастия сохранились только в качестве особой формы страдательных причастий преимущественно прошедшего времени. Краткие формы относительных прилагательных и действительных причастий были утрачены, а краткие притяжательные прилагательные имеют свою историю.

Можно отметить, что для традиционного взгляда на усеченные прилагательные наиболее принципиально представление об их искусственном происхождении, доказательством чего обычно называют использование усеченных относительных прилагательных, действительных причастий и других форм, не предусмотренных грамматикой современного русского языка.

Как представляется, рассматривать усечения только как искусственные формы вряд ли справедливо. Так, Г. О. Винокур называл их «архаизмами, заимствуемыми из церковнославянской традиции», которые представляли собой «старые именные формы, а в некоторых случаях были вновь созданы по подобию старых именных форм, путем отсечения местоименного окончания у так называемых полных форм»⁴.

Церковнославянское происхождение усеченных прилагательных подтверждается теорией и практикой реформаторов русского стиха. Так, Антиох Кантемир утверждал, что «все сокращения речей, которые словенский язык узаконяет, можно по нужде смело принять в стихах русских; так, например, изрядно употребляется *век, человек, чист, сладк* вместо *веков, человеков, чистый, сладкий*»⁵. Церковнославянское происхождение имели многие «поэтические вольности», канонизированные Кантемиром, Третьяковским, Ломоносовым, например, неполногласные формы, форма Р. ж. ед. на *-ия, -ья* (*жало мудрыя змеи*), инфинитив на *-ти*, формы 2-го лица на *-ши*, местоимения *мя, ты* и др.

Существенно, что сам термин «усеченные прилагательные» широко употреблялся в грамматиках церковнославянского языка (у Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого), где применялся по отношению к старым именным формам, противопоставляемым «целым», то есть полным прилагательным. Предполагалось, что в центре системы прилагательного стоит полная форма, от которой (в случае необходимости) может быть образована «усеченная» или «сокращенная», то есть краткая форма⁶. Можно предположить, что исторически неверная точка зрения на происхождение полных и кратких прилагательных и соответствующая терминология были заимствованы именно из славянских грамматик. Это очень важно, поскольку в церковнославянском языке вплоть до нашего времени именные прилагательные склоняются и употребляются в функции как предиката, так и определения. Отметим, что в пособиях по старославянскому (церковнославянскому) языку, отражающих более поздние представления о языке, используется иная терминология: «Имена прилагательные представляют две формы: краткую с неопределенным значением: *новъ*, ж. р. *нова*, и долгую с определенным значением: *новын, новая*»⁷; «В старославянском языке прилагательные имели краткую и полную формы (в другой терминологии: именную, нечленную, неопределенную и местоименную, членную, определенную)»⁸.

Можно предположить, что при развитии грамматических взглядов и изменении терминологии понятие «усеченные прилагательные» сохранилось только применительно к языку поэзии, и усеченные прилагательные стали осознаваться как искусственная черта поэтического языка, потеряв в языковом сознании связь с краткими формами. Термин стал восприниматься как указание на способ образования таких искусственных форм.

Именно это представление об усеченных прилагательных широко отражено в существующей литературе. Например: «Согласованные определения в такой форме нередки в поэтической речи XVIII – начала XIX вв. (например, у М. В. Ломоносова: *Героев слышу весел крик*); но здесь они являются элементами «высокого» стиля, т. е. традиционными книжно-литературными (церковнославянскими) по происхождению, не отражающими особенностей языка повседневного общения периода создания соответствующих произведений. Впрочем, в поэтическом языке чаще встречаются не именные, а так называемые усеченные формы – искусственные книжные образования, стилизованные под именные формы как приметы «высокого» (поэтического) стиля речи. См. у того же Ломоносова: *Так сильну он взносил десницу*; у А. С. Пушкина: *Он пел.. и нечто, и туману даль; Пред ними мрачна степь лежит* и т. п. (но ср. у М. Ю. Лермонтова именную форму в предикате: *Душа моя мрачна*)»⁹. Д. Н. Шмелев, приводя исчерпывающе полную классификацию грамматических архаизмов, встречающихся в современном русском языке, предупреждал: «От архаических форм кратких прилагательных нужно отличать так называемые “усеченные прилагательные”, широко распространенные в поэзии, особенно XVIII и первой половины XIX века. “Усеченные” формы представляют собой формы полных прилагательных без конечного гласного. ... “Усеченные” прилагательные являются искусственными образованиями, но возникшими под влиянием древнего употребления кратких форм в роли определения, сохранявшегося книжной церковнославянской традицией. Однако стилистически они не противостоят употреблению архаических кратких форм, а с середины XIX века, когда их употребление в поэзии становится редким, выступают также главным образом как средство стилизации народно-поэтической речи. Ср.: «Добра ты, *царска* грамота, Да не про нас ты писана...» (Некрасов. *Кому на Руси...*); «Не звала б да не манила *Дальня* сторона!» (Блок. *Как прощались, страстно клялись...*) и т. п.»¹⁰.

Казалось бы, едва ли представляется возможным говорить о связи языка фольклора и поэзии XVIII в. Третьяковский, например, допускал употребление фольклорных выражений, «в особой поэзии ... у нашего простого народа употребляемых» (например: *бел шатер*), только при условии, что «материя будет не важная и шутошная»¹¹. Тем не менее, уже Ломоносов сближал усеченные прилагательные с народно-поэтическими постоянными эпитетами (например: *калена стрела*)¹². Фольклорными исканиями отмечены песни Сумарокова. Собираением и изданием русских народных песен, а также публикацией исследовательских работ в этой области занимались Новиков, Чулков, М. Попов, Н. Львов, И. Дмитриев. Многие поэты (например, Попов, Львов, Нелединский-Мелецкий) стилизовали свои произведения под народную поэзию.

В связи с этим следует отметить как новый образец для усеченных прилагательных так называемые постоянные эпитеты, характерные для народно-поэтического творчества, в составе которых сохранялись древние именные формы. Интересно, что краткие атрибутивные формы очень быстро перестали различаться по источнику заимствования. Например, в творчестве Н. Львова встречаются и традиционные фольклорные эпитеты *тих светел месяц, красно солнышко, по синю морю*, и литературные усечения *хладны узы, нежны птички, цветочки ароматны*.

Искусственность усеченных прилагательных было принято доказывать также и тем, что «усечения не имеют своего особого полного склонения и употребляются лишь в тех падежах, где они слогом короче членных форм, например, невозможен поэтому усеченный предложный падеж ед. ч. м. р.»¹³. Однако собранный материал показывает, что в языке поэзии разных периодов изредка могли использоваться и другие падежные формы, в том числе и равносложные: Р. ж. ед. *в конец вселенны*, (Богданович), Т. мн. *дарованьями различны* (Радищев) и даже П. м.-ср. ед. *на сем – месте пусте* (Цветаева). Особо надо отметить, что использование равносложных форм ставит под сомнение утверждение об их исключительно версификационной роли.

В поэтическом языке используются такие формы усеченных прилагательных:

1–4. Наиболее употребительны в поэзии разных эпох формы И.-В. всех родов и чисел: *шумны волны, всяк день, нежна тень, военно ремесло* (а также равносложные формы м. ед.: *зорок глаз, прозрачен сон*, ср.: *зоркий, прозрачный*); их высокую частотность возможно, объясняется тем, что они совпадают с краткими предикативными формами;

5. В. ж. ед.: *кроваву брань*;

6. Р.-(В.) м.-ср. ед.: *прекрасна Купидона*;

7. Д. м.-ср. ед.: *взору изумленну*;

8. Редкая равносложная форма Р. ж. ед.: *вселенны* (ср.: *вселенной*);

9–10. Единичные случаи употребления ряда форм: Т. мн. (*дарованьями различны*), П. м.-ср. ед. (*о Боге живе*).

Следует учитывать, что склонение именных форм существовало в отдельных проявлениях вплоть до XVII в.¹⁴, причем полная парадигма была утрачена очень рано, и дольше всего просуществовали именно те формы, которые характерны для усеченных прилагательных. Напрашивается вывод, что усеченные прилагательные не имели «своего особого полного склонения» не в силу своего искусственного происхождения, а потому что образца полного склонения именных прилагательных уже давно не существовало.

Можно предположить, что первоначально усеченные формы в языке русской поэзии представляли собой краткие (именные) прилагательные (как качественные, так и относительные) в естественных для них некогда формах и синтаксической роли, сохранявшихся в церковнославянском языке и срав-

нительно недавно утраченных в русском: *блага деяния, добра плода, светел облак*. В том случае, когда необходимых форм не было, они легко образовывались путем создания для местоименной формы соответствующей именной: путем отсечения «местоименного» окончания (компонента) в И.-В. падежах (*бумажны горы, парнасски девушки*) и замены местоименных окончаний именными в косвенных падежах (*полезна владычества, собственну сердцу*), либо же прибавлением соответствующих флексий к основе.

Особый интерес для изучения истории усеченных прилагательных представляет малозвестная широкому читателю поэзия XVII в. (распространено мнение, что русская поэзия появилась только в результате культурных преобразований петровской эпохи)¹⁵. Кажется, что в стихе силлабических вирш, практически не упорядоченном ритмически, потребность в версификационных элементах не должна была возникнуть. Однако краткие атрибутивные прилагательные в виршах встречаются достаточно часто, например: *юноши светлы предстоят; целомудр нрав стяжеши; от нарочита дидоскала; из мутны тины чиста вода не истекает*. Показательно, что язык силлабической поэзии в целом близок церковнославянскому, что может объясняться кругом ее авторов.

Неравносложные вирши с парной рифмовкой, восходящие к говорному стиху, писали в 1630–1650-х гг. приказные чиновники, справщики Печатного двора (например, дьяк Посольского приказа Алексей Саввич Романчуков, справщик Савватий) – интеллектуальная элита белого и черного духовенства. Эти авторы опирались на русскую филологическую традицию XVI в., в частности, на творчество Максима Грека, развивали книжную традицию, восходящую к Византии (в частности, разрабатывали жанры стихотворного послания, акростиха). С приходом патриарха Никона «приказная школа» распалась, потому что ее главные деятели пострадали за противодействие церковной реформе. Отголоски их творчества обнаруживаются в некоторых произведениях идеологов старообрядчества.

На смену относительно силлабизму пришел равносложный стих «новоиерусалимских поэтов» (среди которых архимандриты Герман и Никанор), названных так по построенному при патриархе Никоне Вознесенскому на Истре монастырю (более известному как Новый Иерусалим), во второй половине XVII в. игравшему роль литературного центра. Более известны авторы второй половины XVII в. – Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомино, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, в творчестве которых традиции русской книжной поэзии обогатились сильнейшим влиянием украинско-белорусско-польской силлабики, что не могло не найти отражения в области языка. Наиболее типичным стихом стали 11 и 13-сложники с женской рифмовкой, порожденной постоянным ударением на предпоследнем слоге в польском языке¹⁶. Здесь можно отметить, что изучение происхождения усеченных прилагательных выходит за рамки истории русского литературного языка.

Хотя славянские языки имели различную историю, для лучшего понимания процессов, происходивших в каждом из них, полезно привлекать для сопоставления материал других языков. Например, в украинском языке употребительны стяженные формы полных прилагательных, напоминающие древние именные формы: И. ед. ж. *гарна*, В. ж. ед. *гарну*, И.-В. ед. ср. *гарне*, И.мн. *гарні*, хотя И., Р., Д. м. ед. *гарний, гарного, гарному*¹⁷. Похожая картина наблюдается и в ряде русских говоров, где существуют стяженные формы прилагательных (*больша изба, большо село, большы сапоги*). Формы, полученные в результате стяжения, совпадают со старыми краткими (именными) формами, но «входят не в именную, а в местоименную парадигму склонения соответствующих прилагательных: И. *нова изба, ново село*; Р. (*из*) *новой избы, (из) новово села*; Д. (*к*) *новой избе, (к) новому селу* и т. д.»¹⁸.

Можно предположить, что для языкового сознания XVII–XIX вв. не было принципиального различия между именными формами, известными как по церковнославянскому языку, так и по фольклору, и стяженными, употреблявшимися в крестьянской (диалектной) речи и в языке ближайших соседей-славян. Возможность употребления стяженных прилагательных в разговорной речи могла способствовать восприятию кратких атрибутивных прилагательных как привычных, живых, а не искусственных форм.

Традиционность усеченных прилагательных проявляется в том, что на протяжении четырех веков они используются в языке русской поэзии, характеризуясь богатой и многообразной стилистической окраской¹⁹. Среди многочисленных примеров в поэзии XX в. можно упомянуть поэму Ильи Сельвинского «Улялаевщина», где усеченные прилагательные выступают как средство создания различных стилистических слоев:

Ехали казаки та ехали бузуки, / Дз своротыли - зосталося на льду / Копытска печатня, зелена грязюка, / Навозна юшка та самогонный дух; / Вождь анархыстив Серга Улялаев / Идэ на войну за народни права (имитация украинского языка);

У Четыхи шапка - соболья душа, / На плечах кафтан - ала бархата; / ... Спросю я от вас об милости, / Об милости, о последней, / О последней что водицы истить, / Водицы истить ледяна ключа» (фольклорная стилизация).

Сравним с употреблением в творчестве других авторов:

«Не прети же Ты, Мати, мне младу / Алые цветики собирать, / ... / Древо кипарисно украшати!» (Вяч. Иванов; стилизация русского духовного стиха).

Помает чернь неблагодарна / Поэта славное перо... (М. Кузмин; высокий стиль).

На пограничны города орда задумала напасть, / Нас взять под басурманску власть! (Л. Мартынов; историческая стилизация).

Таким образом, представляется, что определяющим признаком усеченных форм следует называть не искусственность их образования и техниче-

скую роль в языке поэзии, а укорененность в истории русского языка и русской (шире – славянской) культуры. Являясь по происхождению древними именными прилагательными, усеченные прилагательные могли быть восприняты языком русской поэзии из различных источников (из церковнославянского языка, из языка фольклора), но могли и создаваться по известным морфологическим моделям в зависимости от версификационных или стилистических задач, которые решались авторами.

Примечания

¹ *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. М., 2006. С. 159.

² Напр.: *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 420; *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1990; *Камчатнов А. М.* Старославянский язык: Курс лекций. М., 1998. С. 74.

³ Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. III: Прилагательные / А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2006. С. 30.

⁴ *Винокур О. Г.* О языке художественной литературы. С. 252.

⁵ *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 425.

⁶ *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев. М., 1896. С. 84; ср.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб., 1831. С. 24.

⁷ *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 144.

⁸ *Камчатнов А. М.* Старославянский язык... С. 74; ср.: *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковно-славянский язык. М., 1996. С. 88.

⁹ *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. С. 189.

¹⁰ *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 591–593.

¹¹ *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.–Л., 1963. С. 379; ср.: *Винокур Г. О.* О языке... С. 248.

¹² *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 234.

¹³ *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 129.

¹⁴ *Винокур Т. Г.* Древнерусский язык. М., 2004. С. 83.

¹⁵ *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 4; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2002. С. 28, 32.

¹⁶ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 80–82.

¹⁷ *Терлак З., Сербенська О.* Украинский язык для начинающих. Львов, 1999. С. 93–95.

¹⁸ *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005. С. 156–157; см. также: *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку... С. 592–593; *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии... С. 198.

¹⁹ *Кулева А. С.* Усеченные прилагательные в поэзии Леонида Мартынова // Русская речь. 2007, № 2. С. 31–35; *Кулева А. С.* Стилистическая роль усеченных прилагательных в русской поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.). М., 2007. С. 304–308.